

Поэтому отнесение обсуждаемых единиц лезгинского глагола к наклонениям вызывает, по меньшей мере, сомнение. Тем не менее, формы уступительного наклонения традиционно выделяются как в лезгинском, так и в некоторых других дагестанских языках.

Изложенные обстоятельства ставят под сомнение правомерность отнесения обсуждаемых единиц (условное наклонение на *-mla + nu*) к наклонениям. В таком случае возникает вопрос о грамматическом статусе этих форм, то есть куда в таком случае их отнести? Следует отметить, что это не единственная такая форма, грамматический статус которой требует уточнения. Такие факты свидетельствуют о том, что в описании лезгинского языка сохраняются многие «белые пятна». Они не укладываются в рамки привычных грамматических представлений, требуют нетрадиционного подхода дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гайдаров, Р.И. Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке [Текст] / Р.И. Гайдаров. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 251 с.
2. Мейланова, У.А. 1967 – Лезгинский язык. / У.А.

Мейланова // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. – Т. IV. – С. 535-607.

3. Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
4. Талибов, Б.Б. Грамматический очерк лезгинского языка // Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь; – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 604 с.
5. Шейхов, Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Морфология / Э.М. Шейхов. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. – 262 с.

E. Alieva

THE EXPRESSION OF CONCESSION IN LEZGIN, RUSSIAN AND ENGLISH (TO THE PROBLEM OF THE CONCESSION MOOD)

Abstract. The article deals with some evidences remarkable enough to reconsider the traditional approach to the mood of concession in the Lezgin language. The problem is whether it is reasonable or not to refer its forms (*-mla + -nu*) to irreal moods which oppose to indicative as real/irreal.

Key words: meaning of concession, modality in the Lezgin language, the category of mood, morphological unit, verbal form.

УДК 809.24/29.00/36:808.2

Алиева Э.Н.

ЗНАЧЕНИЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО) ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ

Аннотация. Сопоставительное и типологическое изучение модальности, признаваемой лингвистической универсалией, показало наличие в лезгинском языке модальности желания иной конфигурации, нежели русская и английская. Межъязыковое исследование проявлений модальности желания и позволило эксплицировать в лезгинском языке в рамках настоящей статьи две формы желательного наклонения: морфологическое и синтаксическое.

Ключевые слова: повелительное наклонение, аналитические формы, желательное наклонение, морфологическая единица, форма глагола.

Побуждение к действию в своем изначальном плане содержит модальную семантику жела-

ния. Вопрос лишь в противопоставлении этого значения по линии уверенности/неуверенности говорящего в том, что желаемое действие будет выполнено. В этом смысле значение повелительного наклонения, безусловно, неотделимо от семантики синтаксической конструкции побудительного предложения. По-видимому, это является причиной частых споров по поводу отнесения данного значения к морфологической категории или синтаксической конструкции.

Побуждение, отнесённое к 3-му лицу, выражается в русском языке сочетанием частиц *пусть, пускай, да* с формами 3-го лица ед. или мн. числа изъявительного наклонения: *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (Пушкин), а в английском – сочетанием с глаголом *let*, за которым следует существительное или мес-

тоимение, обозначающие лицо, к которому это побуждение относится: *Let him repeat the accusation in Tim's presence* «Пусть он повторит обвинение в присутствии Тима». Русская и английская грамматики трактуют их не как аналитические формы 3-го лица повелительного наклонения, а как сочетания слов. Аргументы в пользу такой трактовки следующие: во-первых, эти сочетания применительны и в отношении 1-го лица ед. и мн. числа при выражении говорящим желания самому совершить действие или при призыве к совместному действию: *Let me try to convince them myself* «Разрешите мне попытаться убедить их самому», *Let us agree to end this wait-and-see policy* «Давайте откажемся от выжидательной политики», *Пусть я расскажу!* (Гоголь); *Да правлю я во славе свой народ* (Пушкин), а русские частицы *пусть, да* соединяются и с местоимением 2-го лица: *Пусть вы пойдёте*; во-вторых, эти частицы часто распространяют своё значение на предложение в целом: *Пусть стол стоит у окна, Let it be* «Пусть так и будет» [Ср. РГ 1980, т. I: 622-623], [Смирницкий А.И. 1959: 353-354]. Таким образом, собственно форм 3-го лица повелительного наклонения в русском и английском языках также нет. Побуждение, отнесённое к 3-му лицу, выражается в этих языках сочетанием слов.

В лезгинском языке в качестве формы 3-го лица повелительного наклонения традиционно выделяется единица, имеющая в своём составе основу, совпадающую с основой масдара, и аффикс *-рай*: *авун* «делать/сделать» - *авурай* «пусть делает/сделает». Рассмотрим, какие значения обозначаются этой формой. Судя по имеющимся у нас материалам, для неё в лезгинском языке можно выделить следующие функциональные разновидности побуждения к действию.

Тарсариз гегж тавурай «В школу **пусть не опоздает**». *Зи ктаб хкуруай* «Мою книгу **пусть вернёт**. В этих примерах выражены пожелание, требование, отнесённые к 3-му лицу.

Ср. употребление этой же формы, выражающее отнесённость действия ко 2-му, 1-му лицам. *Алад, чан хва, ваз хъсан рехъ* (1) *хъурай*, *вун ви метлебрихъ* (2) *агакърай!* (Н.М.) «Ступай, сын, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех (досл.: Иди, дорогой сын, тебе хорошая дорога (1) **пусть будет**, ты своих целей (2) **пусть достигнешь**)» (здесь глагол (1) относит действие к 3-му лицу, а глагол (2) – ко 2-му лицу; форма – одна и та же); *Ам атайла чун кIвале хъурай* «Когда он придёт, нам желательно быть дома (мы дома **пусть будем**)» (отнесённость действия к 1-му лицу).

Как показывают примеры, в плане выража-

емого модального значения рассматриваемая единица лезгинского глагола совпадает с единицами глаголов в русском и английском языках, относящимися к 3-му лицу (*пусть придёт* и *let him come*). В отличие от русского и английского языков, в лезгинском мы имеем специальную морфологическую единицу для выражения того же модального значения. Это даёт полное основание для её трактовки как наклонения с модальным значением побуждения к действию. Однако для трактовки этой формы как формы 3-го лица нет оснований, поскольку она, как и соответствующие единицы русского и английского языков, может относить действие к каждому из трёх лиц. Это также видно из приводимых выше примеров. Что же касается содержания этого наклонения, то, как показывают примеры, это могут быть разные значения в пределах общей семантики побуждения: пожелание, предписание, разрешение, призыв, проклятие, заклинание и т.п. От собственно повелительного наклонения эта форма отличается меньшей категоричностью побуждения к действию, обусловленной тем, что это побуждение не является однозначно обращённым к собеседнику. Все разнообразные значения обсуждаемой формы лезгинского языка содержат объединяющий их общий компонент, который можно определить как желательность/нежелательность осуществления обозначенного действия. Побуждение выступает как желание говорящего или дозволение, разрешение (различной степени интенсивности), чтобы действие имело или не имело место. В исследованиях типологического плана единицы такого модального содержания обычно называют *оптативом*. В лезгинском языке эта форма совмещает значения желательности и дозволения действия, т.е. значения *оптатива* и *пермиссива*. Считаем, что и обсуждаемая лезгинская форма вполне адекватно может быть определена как *оптатив* (< лат. *optativus* «желательный») [Хаспельмат М. 1993], или форма *желательного наклонения*.

Желательное наклонение лезгинского глагола имеет синтетическую отрицательную форму, образуемую от положительной префиксацией показателя *m- /ma- /me-*: *фурай* «пусть идёт» > *тефурай* «пусть не пойдёт». Например: *Ин азабар ваз такуруай* «Таких страданий ты **да не увидишь**». Производность этой единицы от положительной формы и полная содержательная идентичность в плане модального значения (прибавляется только отрицание) позволяет считать её *отрицательной формой желательного наклонения (оптатива)*. Соотношение между положительной и отрицательной формами опта-

тива такое, как между русскими *пусть пишет* и *пусть не пишет*. Только в лезгинском языке эти значения выражаются синтетическими формами глагола, а не на уровне сочетания слов.

В отличие от русского и лезгинского языков, в английском существуют два способа образования отрицательных форм для оптатива с *let*: 1. отрицание образуется при помощи вспомогательного глагола *do* и отрицательной частицы *not* (***Don't let them take the money*** Не разрешайте/позволяйте им забрать деньги); 2. (наиболее употребимый) после объектного местоимения ставится отрицательная частица *not* (***Let them not take the money*** «Пусть они не забирают деньги»). Из примеров очевидно, что от способа отрицания фраз с *let* может зависеть их перевод. Между переводами этих сочетаний наблюдается небольшая, но весьма четкая смысловая разница.

Итак, в лезгинском языке мы выделяем морфологическую форму желательного наклонения (*оптатив*) как разновидность единиц с семантикой побуждения к действию. В этой форме желательность в существовании обозначаемой глаголом ситуации выражается как прямое волеизъявление, пожелание типа «*пусть это будет иметь место*». При этом в содержании формы отсутствует элемент значения, связанный с гипотетичностью осуществления желаемого.

В содержании же синтаксического желательного наклонения русского языка данный элемент значения присутствует: «*оно может иметь или не иметь место, но желательно, чтобы имело*». Не случайно, видимо, форма желательного наклонения образуется в русском языке с использованием морфологической формы сослагательного наклонения [ср. РГ 1980, т. II: 105], грамматическим содержанием которого является возможность, предположительность обозначаемого действия [ср. РГ 1980, т. I: 625]. Содержательные связи этих разновидностей модальности находят, таким образом, отражение в использовании общих формальных средств выражения. Такая связь семантически обусловлена: для желательности осуществления чего-либо исходным является понимание того, что оно может и не осуществиться, т.е. значение возможности, предположительности.

Интересно, что и в лезгинском языке модальные значения предположительности и желательности оказываются связанными и на формальном уровне: для выражения обсуждаемого значения желательности используется морфологическая форма предположительного наклонения с аффиксом *-mla*.

Сравним основные варианты образования

и употребления желательного наклонения русского и английского языков и их соответствия в лезгинском. Основным способом образования желательного наклонения в русском языке является постановка сказуемого в форме сослагательного наклонения (*-л + бы*), очень часто – с модификацией частицы *бы*: *хоть бы, если бы, пусть бы* и др. [ср. РГ 1980, т. II: 105-110]. Значением этого наклонения является отвлечённая устремлённость к какой-то действительности, неопределённо отнесённой в будущее, настоящее или прошлое. То, о чём сообщается как о желаемом, может быть представлено либо как способное стать реальным, либо как не осуществляющееся или не способное осуществиться [ср. там же: 106-107], т.е. гипотетичное. Например: ***Вернулась бы она сегодня!***

Подобная тенденция прослеживается и в отношении передачи данной семантики в английском языке. Здесь для выражения нереального желания сослагательное наклонение может использоваться в простом восклицательном предложении: ***If only she returned today! Хоть бы она вернулась сегодня!*** В отличие от русского языка, в английском формы предположительного наклонения различают настоящее и прошедшее время: ***If only she returned today! Хоть бы она вернулась сегодня!*** (отнесение действия к настоящему времени) и ***If only she had returned! Вернулась бы она (тогда)!*** (отнесение действия к прошедшему времени). В русском языке подобное различие не наблюдается: время действия выражается лексически.

Наиболее адекватным соответствием этому высказыванию в лезгинском языке будет предложение ***Ам кье хтун кьван авунайmla!*** – досл.: «Она сегодня **возвращение** **хоть** **сделала бы!**», – где: *хтун* «возвращаться/вернуться» – форма масдара; *кьван* «хоть» – модальная частица; *авунайmla* – форма предположительного наклонения глагола *авун* «делать». Это же предложение без частицы *кьван* «хоть» ***Ам кье хтанайmla*** (*// хтун авунайmla*)? (с аналитической или синтетической формой предположительного наклонения) в определённой ситуации тоже может выражать желаемое действие. Но вне контекста оно означает: ***Она сегодня приехала, интересно?*** – т.е. предположение, обращённое к собеседнику или же к самому себе, как размышление о вероятности *её приезда*. Однозначно желательное значение выражается именно при использовании смыслового глагола в форме масдара, модальной частицы и формы предположительного наклонения вспомогательного глагола *авун* «делать/сделать».

В анализируемом примере выражена же-

лательность ситуации в целом, значение пожелания вносимое частицей *къван* «хоть» относится к предикату высказывания. Тот факт, что это значение вносится именно частицей, а не является грамматическим содержанием формы предположительного наклонения, показывает сравнение с примером *Къе гада къван хтанайтIа!* «Хоть бы сын сегодня вернулся!», где выражена желательность возвращения именно сына, хотя это модальное значение распространяется и на всю ситуацию. Ср. ещё примеры: *Глаза бы мои тебя не видели!* «Вун зи вилериз акун къван тавунайтIа!» (досл.: Тебя мои глаза видеть хоть не делали бы) и *Вун зи вилериз къван такунайтIа!* «Тебя мои глаза хоть не видели бы!»

Анализ материала показывает, что основным способом выражения значения, передаваемого желательным наклонением русского языка, в лезгинском языке является сочетание модальной частицы *къван* «хоть» с формами морфологического предположительного наклонения. Причём не со всеми, а только с образованными при помощи аффикса *-tIа* от временных форм, имеющих в своём составе аффикс условно-временной соотнесённости действия *-й-*. Именно эти формы (типа *фенава-й-tIа*, *физва-й-tIа* и др.) предположительного наклонения используются в придаточной части синтаксического солагательного наклонения.

Помимо форм предположительного наклонения в таких же сочетаниях с частицей *къван* могут использоваться формы побудительных наклонений. Например: *Тарсар къван авурай/ая!* «Хоть уроки пусть сделает/сделай!»; *Чай къван хъван* «(Дай) хоть чаю выпью»; *Чай къван хъурай/хъухъ!* «Чаю хоть пусть выпьет/выпей!». Но в таких употреблениях форм побудительного наклонения введение модальной частицы *къван* «хоть» вносит лишь экспрессивные коннотации в модальное содержание именно данных наклонений, не преобразуя побудительные значения в желательное, а лишь смягчая степень категоричности волеизъявления.

Использование же морфологической формы предположительного наклонения в конструкциях с модальной частицей для выражения семантики желательности можно квалифицировать как **синтаксическое желательное наклонение**. Оно образуется постановкой предиката, выраженного глаголом, в форме морфологического предположительного наклонения в конструкциях с модальной частицей *къван* «хоть». Значением этого наклонения является отвлечённая устремлённость к осуществлению какого-либо действия, отнесённого в будущее, настоящее или

прошлое. То, о чём сообщается как о желаемом, может быть представлено либо как способное стать реальным, либо как не осуществляющееся или не способное осуществиться.

Желательное синтаксическое наклонение имеет две разновидности, в зависимости от того, какой элемент высказывания актуализируется модальной частицей. В русском и английском языках аналогичное актуальное членение может производиться, например, интонацией: *Хоть бы младший хорошо учился!* *If only the younger son learnt well* (безотносительно к старшему, с выделением именно предиката), ср. *Хоть бы младший хорошо учился!* *If only the younger son learnt well* (в отличие от старшего, который не учился). Это различие в лезгинском языке выражается семантическим сопряжением частицы *къван* «хоть» именно с актуализируемым компонентом высказывания. Например: *ГъвечIу руша къван кIелнайтIа!* «Хоть бы младшая дочь училась!» ср. *ГъвечIу руша кIел къван авунайтIа!* «Младшая дочь хоть бы училась!»

Различаются, как видим, используемые для обозначения желательного действия варианты формы предположительного наклонения. При логическом выделении сказуемого используется аналитическая форма предположительного наклонения глагола (*кIел къван авунайтIа* «хоть бы учился») с модальной частицей между смысловой и вспомогательной частями, при выделении частицей других компонентов высказывания – синтетическая форма (*кIелнайта* «учился бы»).

Изложенный анализ средств выражения в лезгинском языке значений, обозначаемых в русском и английском языках формами синтаксического желательного наклонения, позволяет нам выделить и в лезгинском языке формы синтаксических наклонений, ранее не описанных. Они образуются, как и в русском и английском языках, с использованием морфологических форм других наклонений.

Итак, синтаксическое желательное наклонение в лезгинском языке образуется постановкой предиката, выраженного глаголом, в форме морфологического предположительного наклонения в конструкциях с модальной частицей *къван* «хоть». Имеет две разновидности: а) масдар смыслового глагола + модальная частица *къван* «хоть» + форма предположительного наклонения с аффиксами *-й-* и *-tIа*: *вахтуна хтун къван авунайтIа* «вовремя вернулся бы хоть»; и б) модальная частица *къван* «хоть» + форма предположительного наклонения с аффиксами *-й-* и *-tIа*: *вахтуна къван хтанайтIа* «хоть бы

вовремя вернулся». От морфологической формы желательного наклонения (оптатива, *хъурай* «пусть будет») синтаксическое желательное наклонение отличается дополнительным семантическим признаком гипотетичности, сближающим его с желательным наклонением русского и английского языков.

Использование в лезгинском языке, как в русском и английском, для выражения семантики желательности действия морфологической формы предположительного наклонения является фактом, интересным в плане типологии модальности. Он свидетельствует о семантической и формальной сопряженности этих модальных значений. С другой стороны, он косвенно подтверждает верность трактовки нами форм с аффиксом *-mla*, по-разному толкуемых в лезгиноведении.

План выражения микрополя желательной модальности в лезгинском, русском и английском языках имеет типологическую основу, обусловленную универсальностью языковой категории модальности. Однако более высокая степень модальной емкости лезгинских языковых средств, способных имплицитно актуализировать модальное значение желания, позволила выделить в этом языке морфологические и синтаксические формы желательного наклонения. Данное явление особо отчетливо проявилось при сопоставлении с соответствующими модальными модификаторами русского и английского языков.

Лезгинский, английский и русский языки

относятся к языкам разного типа. Проведенное сопоставление показало значительно большую, чем в русском и английском языках, спецификацию средств выражения модальности желания в лезгинском языке в силу особенности его агглютинативного строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
2. Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
3. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка/А.И. Смирницкий – М.: Изд. литературы на ин. языках, 1959. – 440 с.
4. Haspelmath, Martin A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. – 567 pp.

E. Alieva

THE OPTATIVE MEANINGS OF LEZGIN (MORPHOLOGICAL AND SYNTACTICAL) AND THEIR EQUIVALENTS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The comparative and typological study of modality as the universal category has pointed to the other form of the optative in the Lezgin language than in English and Russian. Interlinguistic research of the optative done in this article enabled to explicate in the Lezgin language two kinds of the optative: morphological and syntactical.

Key words: the imperative mood, analytical forms, the optative, morphological unit, verbal form.

УДК 81'23

Хохолова И.С.

ОБРАЗ МИРА В ЯКУТСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Аннотация. В данной статье рассматривается образ мира в якутской и русской культурах «овнешняемые» в языковом сознании носителей той или иной культур. Методом психолингвистического эксперимента послужил ассоциативный эксперимент, проведенный в 2007-2008 г. среди студентов высших учебных заведений г. Якутска и г. Москвы. Полученные результаты дают весьма интересный материал и требуют дальнейшего более широкого изучения языкового сознания данных культур.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, образ мира, языковое сознание, культура, стереотипы, ассоциативный эксперимент

В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено ... [Леонтьев АА 1993: 20].

Однако, как отмечает Уфимцева Н.В., в светлое поле сознания каждого носителя данной культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознается скорее ее наличие и целостность. В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, ко-